

© 2014 г.

Т.В. ЧЕРНИКОВА

РОССИЯ В ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРЕДПОСЫЛКИ И ВОЗМОЖНОСТИ ВХОЖДЕНИЯ В ЕВРОПУ

Принадлежит ли Россия к Европе? Этот вопрос давно находится в центре споров публицистов, философов и историков. Древнерусское геополитическое пространство второй половины XI – первой половины XV в., раздробленное в удельный период на альтернативные социально-политические модели Западной, Южной, Юго-Западной, Северо-Западной и Северо-Восточной Руси, позволяет выдвигать самые разные точки зрения. Однако редкий историк не согласится, что уже при Владимире Мономахе и его ближайших потомках – владимиристо-суздальских князьях – появилась тенденция к значительному отличию социокультурного развития Северо-Восточной Руси не только от западноевропейских стран, но и от прочих древнерусских областей. В годы ордынского владычества это обособление Северо-Востока привело к становлению в его уделах вотчинного уклада, который унаследовало единое Московское государство конца XV–XVII в.

Суть вотчинного уклада как социокультурной системы состоит в том, что монарх выступает в двух ипостасях: политического главы государства и верховного собственника земли и всех прочих ресурсов страны. Социальные отношения при подобном укладе выстраиваются по линии государь – холопы, что находит отражение в идеологии и стереотипах поведения различных социальных слоев и русского общества в целом¹.

Согласие русских людей видеть в носителе центральной государственной власти “хозяина земли русской” В.О. Ключевский охарактеризовал как “недоразумение”. “Я уже имел случай (лекция XLI) отметить, – писал знаменитый историк, рассуждая о причинах Смуты, – одно недоразумение в московском политическом сознании: государство, как союз народный, не может принадлежать никому, кроме самого народа; а на Московское государство и московский государь, и народ Московской Руси смотрели как на вотчину княжеской династии, из владений которой оно выросло”². Либерал-западник Ключевский полагал, что любое государство как политический институт мало чем отличается от той модели, которую выработала социально-политическая история Запада. Правда, западноевропейское государство никогда не было аллодом королей, фамильной собственностью франкских Меровингов или Каролингов, французских Валуа или Бурбонов, английских Тюдоров или Стюартов, имперских Габсбургов.

Черникова Татьяна Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО (У) МИД России.

¹ Подробнее см. *Черникова Т.В.* Средневековое землевладение и проблема феодализма в русской истории. – *Общественные науки и современность*, 2005, № 5–6.

² *Ключевский В.О.* Лекция XLIII. Причины Смуты. – *Ключевский В.О.* Соч. в 9 т., т. III. М., 1988, с. 48.

Но стоит ли норму, характеризующую политическое развитие одной социокультурной системы, делать осью координат для осмысления пути развития другой, мало с ней схожей?

Московское государство XV–XVII вв., по определению самого Ключевского, было государством служилым, где все подданные службой или тяглом “тянули” на государя и не представляли себе государство без государя. И ошибки в суждении русских людей XV–XVI вв. не было: их взгляд абсолютно точно отражал реальность.

Несхожесть с западноевропейскими общественно-политическими образцами устройства государства и осмыслением российскими подданными реалий Московской Руси заметили еще европейские авторы-гуманисты XVI–XVII вв., составившие первые научные трактаты о Московии: М. Меховский, С. Герберштейн, Д. Флетчер, А. Олеарий. Они относили Россию скорее к миру Востока, характеризуя ее политическое устройство как восточную деспотию, нравами напоминающую Турцию. Концепция рассмотрения единого Московского государства если не как Второго Стамбула, то как Второго Сарая популярна и в современной западной литературе³.

ЕВРОПА И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИДЕНТИФИКАЦИЯ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Однако из всего вышесказанного преждевременно делать вывод об отсутствии у социокультурной системы России второй половины XV–XVII в. теснейшей и необходимой для самого ее существования связи с цивилизацией западного мира начала Нового времени.

После обрушения Золотой Орды у появившегося на свет первоначально из уделов великого княжества Владимирского огромного единого Московского государства был шанс занять освободившееся место полюса геополитической силы в пограничье Восточной Европы и Северо-Западной Азии. Однако на роль гегемона восточноевропейского пространства претендовала и польско-литовская уния. С северо-запада Московия испытывала давление Швеции. И вообще вступивший в раннее Новое время быстро развивающийся европейский мир был опасным соседом для статичной средневековой России. Судьба великих восточных средневековых империй, трансформировавшихся с XV по XIX в. из могущественных держав в европейские колонии, – лишнее тому подтверждение. Но Россия не разделила их участь, потому что уже при Иване III (1462–1505 гг.) нашла средство, дающее ей возможность успешно противостоять вызову развивающегося Запада и даже покорять близлежащий Восток.

Московская Русь стала заимствовать, усваивать и использовать многие военные, технические и культурные новшества, которые создавал Запад. В отличие от Московии Османская империя, Персия, Китай, Индия вплоть до конца XVIII в. не проявили к западному опыту никакого интереса. Начавшийся во второй половине XV в. процесс использования Россией западного опыта шел с нарастанием от века к веку, пока не достиг апогея в XVIII столетии, когда уже вся Европа заговорила о европеизации (вестернизации) России.

---

³ Наиболее яркими сторонниками данной концепции являются американские ученые Э. Кинан, М. Ходорковский и особенно Д. Островский. См.: *Keenan E.L. Muscovy and Kazan, 1445–1552: A Study in Steppe Politics.* Harvard, 1965; *Ostrowski D. The Tamma and the Dual-administrative Structure of the Mongol Empire.* – *Bulletin of the School of Oriental and African Studies*, 1988, v. 61, № 2; *idem. The Mongol Origins of Muscovite Political Institutions.* – *Slavic Review*, 1990, v. 49, № 4; *idem. The Military Land Grant along the Muslim-Cristian Frontier.* – *Russian History*, 1992, v. 19, № 1–4; *idem. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steepe Frontier, 1304–1589.* Cambridge, 1998; *idem. Muscovite Adoption of Mongol-Tatar Political Institution: A Reply to Halperin’s Objections.* – *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 2000, v. 1, № 2; *Khodarkovsky M. Russia’s Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800.* Bloomington, 2002.

Европеизации XVIII в., как и ее истокам в XV–XVII вв., был свойствен поверхностный характер. В XV–XVII вв. западное влияние никаким образом не затрагивало устоев вотчинного уклада и не подмывало средневековых российских порядков. Заимствование и использование разнообразного западноевропейского опыта, подменив собой модернизацию органическую, лишь способствовали консервации неевропейского уклада России. Однако необходимость постоянно заимствовать разнообразный западный опыт для быстрого продвижения на восток и на юг, а также для успешной конкуренции с самим Западом крепко привязывала Россию к Европе.

Вплоть до начала XIX в. стратегия подмены модернизации внешней европеизацией работала на неуклонный рост геополитического могущества России. Апогеем его стало превращение Московии при Петре I в великую европейскую державу, одну из величайших сухопутных империй мира. Между тем наибольший территориальный рост русской империи имел место в конце XV – XVII в. Уже при Рюриковичах – Иване III, Василии III, Иване IV и Федоре I – Московия присоединила к себе Малую и Великую Пермь, Вятку, Соликамское Предуралье, земли Казанского, Ногайского и Астраханского царств, начала покорение Сибири. В это время Россия в год в среднем приращивала территорию, равную площади Нидерландов. К концу XVII в. российские землепроходцы, а вслед за ними и российская государственная администрация дошли не только до естественной восточной границы сферы своего влияния – побережья Тихого океана, но и проникли в пока еще ничейную североамериканскую Аляску и Амурскую Даурию, которую своим данником считал Китай. Главную роль в этом расширении сыграло применение европейских новшеств, особенно в военной области.

Осознав ценность европейских “новин”, российская центральная власть, главный и единственный инициатор западных заимствований в период Московского царства, рано озаботилась поиском “окна в Европу”, т.е. прямого выхода через море к дальним западноевропейским странам. Являвшиеся центром модернизационного процесса в мире, они могли дать наибольшее количество новшеств. Кроме того, Запад Европы в отличие от ближних соседей – Литвы, Польши, Ливонского ордена, Швеции – не имел с далекой Московией территориальных и прочих острых споров, не чинил ей особых препятствий в наеме на русскую службу различных специалистов.

Не в пример Золотой Орде или Турции новорожденная Россия⁴ уже при своем основателе Иване III начала резкий внешнеполитический поворот к Европе, что отразилось и на менявшемся облике русской столицы. Царские палаты и два из трех новых главных кремлевских соборов возводят итальянцы: Успенский – болонец Аристотель Фиораванти в 1475–1479 гг., Архангельский – венецианец Алевиз Новый в 1505–1508 гг. Главный зал приемов – Грановитую палату – строят в 1487–1491 гг. миланцы Марко Руффо и Пьетро Антонио Солари. Новый, созданный из кирпича ломбардский стандарт Московский Кремль становится одной из самых мощных и совершенных крепостей миланского типа.

После завершения строительства Успенского собора Фиораванти не отпустили на родину. Он вместе с другими “фрягами” и “немцами”⁵ лил пушки. По мнению А.Л. Хорошкевич, в 1470-х годах Фиораванти возглавлял всю русскую артиллерию⁶. Возможно, он занимался в России еще и монетным делом⁷. От 1497 г. до нас дошла

---

⁴ Появление термина “Россия” как синонима названия Московского государства связано с княжением Ивана III. Новое торжественное название страны на греческий манер – Россия – появилось после брака Ивана III и византийской царевны Софьи Палеолог. Постепенное внедрение термина “Россия” являлось частью разрабатываемой с конца XV в. идеологии византийского наследия Московской Руси.

⁵ “Немцами” на Руси называли всех иностранцев из Западной Европы, за исключением итальянцев.

⁶ Хорошкевич А.Л. Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV – начало XVI в. М., 2001, с. 82.

⁷ Орешиников А. Орнототель денежник Ивана III. – Старая Москва, выпуски 1 и 2. Сборник. М., 1993, с. 50.

великокняжеская печать, на которой в качестве второго герба Московского государства фигурирует византийский, как принято считать, двуглавый орел. Однако Византия никогда не имела подобного герба; двуглавым золотым орлом на красном фоне отмечались вещи, принадлежавшие ее императорской семье. Этот государственный символ, причем в той же черно-золотой гамме, являлся гербом Священной Римской империи германской нации. Копией имперского орла и стал новый герб России, что на геральдическом языке, понятном Западу, должно было означать равенство статусов русского государя и самого титулованного западноевропейского монарха – императора Священной Римской империи.

В XV столетии в Европе началась так называемая “военная революция”, суть которой состояла в вытеснении феодальной конницы регулярными отрядами наемных военных, прежде всего пехотинцев, вооруженных огнестрельным оружием – аркебузами, мушкетами и т.д. Василия III (1505–1533 гг.) уже охраняли западные телохранители, а из западноевропейских наемников при нем формируются первые отряды московских пищальщиков (аркебузьеров), что свидетельствует о заинтересованном отношении центральной московской власти ко всем новым веяниям в европейском военном искусстве. При Иване IV (1533–1584 гг.) пищальщиков-“немцев” заменит целое войско стрельцов, организованное по тому же образцу. Число западноевропейских специалистов – военных, инженеров, врачей, ремесленников – продолжало расти. В Москве XVI в. для них будет организовано несколько специальных кварталов, Немецких слобод.

Изучавший правовые аспекты положения “служилых немцев” А.С. Мулюкин установил, что для выходцев из западноевропейских стран, желавших поступить на русскую службу, доступ в Россию времен Ивана Грозного стал совершенно свободным⁸. И хотя в XVII столетии приезд в Россию выходцев с Запада был поставлен под строгий контроль, их число увеличивалось, так же как и количество западных заимствований в военной, технической, административной и культурной областях.

Использование новшеств и наем на русскую службу западноевропейских специалистов превратились в неотъемлемую часть московской жизни. Особенно ценились в XVI–XVII вв. служилые “немцы нового выезда”. Эти люди, сконцентрированные в столице, были посредниками в использовании Россией последних достижений западноевропейского мира. Потомки служилых иноземцев “старого выезда”, принявшие православие в XVI–XVII вв., вливались в российское служилое сословие, составив к XVIII в. до 25% его общей численности.

Даже при беглом взгляде на описанные выше процессы второй половины XV–XVII в. трудно не заметить, что предпосылки “европеизаторской революции” Петра I были заложены задолго до времени его правления. Правда, сам процесс допетровской европеизации был сложным и противоречивым. Яркий тому пример – внешнеполитические и внутривластные действия власти, сопровождавшие первую серьезную попытку единого Московского государства завладеть прибалтийским “окном в Европу”. Речь идет о 25-летнем (1558–1583 гг.) участии России в Ливонской войне.

Завершись эта война хотя бы частичной победой России, она могла бы вызвать серьезные социокультурные сдвиги, которые не способен был обеспечить механический рост числа западных специалистов и “новин”. Обладание Ливонией – частью западноевропейского мира – открыло бы русскому обществу возможность получить прямой доступ к знакомству с такими основополагающими явлениями западноевропейской жизни начала Нового времени, как Магдебургское и Любекское городское право, западноевропейский тип частной собственности и прочие общественно-экономические институты, гуманистическая идеология Ренессанса, Реформация, политические и культурные поиски эпохи барокко. Не секрет, что борьба России за Украину с Речью Посполитой во второй половине XVII в. вызвала значительное усиление

---

⁸ Подробнее см. *Мулюкин А.С.* Приезд иноземцев в Московское государство. Из истории русского права XVI–XVII вв. СПб., 1909.

западного влияния на русскую жизнь. Обретение даже части Ливонии ускорило бы европеизаторский процесс почти на столетие.

Главный геополитический соперник России – польско-литовская уния – прекрасно осознавала, чем грозит ей такой поворот событий. Сигизмунд II Август, последний польско-литовский монарх из династии Ягеллонов, в 60-е годы XVI в. писал английской королеве: “Московский государь ежедневно увеличивает свое могущество приобретением предметов, которые привозятся (с Запада. – Т. Ч.) в Нарву: ибо сюда привозят не только товары, но и оружие, до сих пор ему неизвестное, привозятся не только произведения художников, но приезжают и сами художники, посредством которых он приобретает средства побеждать всех. Вашему величеству неизвестны силы этого врага и власть, какою он пользуется над своими подданными. До сих пор мы могли побеждать его только потому, что он был чужд образованности, не знал искусств. Но если нарвская навигация будет продолжаться, то, что будет... неизвестно”⁹.

ПРОЕКТЫ СОЕДИНЕНИЯ РОССИИ С ТЕРРИТОРИЯМИ, КОНТРОЛИРУЕМЫМИ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Не будем останавливаться на всех перипетиях Ливонской войны. Рассмотрим лишь те обстоятельства, которые имели отношение, прямое или косвенное, к возможности европеизации России. В центре нашего внимания будут проекты устройства ливонских территорий в составе России.

В начальный период войны (1558 г. – начало 1560-х) московское вотчинное государство проявило в этом смысле необычную для себя гибкость. Подобно другим претендентам на Ливонию – Польше, Дании, Швеции, оно попыталось решить вопрос не только силой, но и поиском путей общественно-политического компромисса или консенсуса с ливонской элитой. Это свидетельствовало как о приоритетной ценности приобретения Ливонии с точки зрения Москвы, так и о попытке освоить хотя бы частично европейский опыт автономного устройства отдельных провинций.

Интерес к землям ослабевшего Ливонского государства помимо России, как уже отмечено выше, имели Швеция, Дания и Польша с Литвой. Все они, как и Русь, имели давний (с VIII–XIII вв.) опыт экспансии в летто-литовские и финно-угорские земли у Финского и Рижского заливов. В XIII в. немецкий “*Drang nach Osten*” (“Нагиск на Восток”) серьезно потеснил Новгородско-Псковскую и Полоцкую Русь, а также прежних западных претендентов на освоение земель прибалтийских язычников. С развалом орденой организации крестоносцев в ходе Реформации в Прибалтике соседние страны смогли вернуться к решению ливонской проблемы.

Используя давнюю конкуренцию Ордена и Рижского архиепископства, в 1557 г. в ливонские дела на стороне архиепископства вмешался польско-литовский монарх Сигизмунд II Август, в результате чего ливонский магистр вынужден был заключить с польско-литовской стороной Посвольский договор, открывавший путь к установлению польско-литовского протектората над Ливонией¹⁰. Это спровоцировало Россию на войну с Ливонией. Для Московского государства Ливонская война стала продолжением русско-орденских войн 1480–1481 и 1501–1503 гг.

⁹ Цит. по: Соловьев С.М. История России с древнейших времен, кн. III, т. 6. М., 1989, с. 576.

¹⁰ Рижский архиепископ Вильгельм Бранденбург в 1550-е годы опирался на польско-литовскую помощь. Магистр Ливонского ордена Фюрстенберг опасался, что в результате Ливонский орден повторит судьбу Тевтонского – окажется вассалом Польши, а его земельные владения будут секуляризованы. По приказу магистра командор Динабурга Готхард Кетлер нанял германских ландскнехтов, и с их помощью земли Рижского архиепископства в 1557 г. были оккупированы Орденом. Однако прямое вмешательство Сигизмунда II Августа заставило Фюрстенберга заключить с польско-литовской стороной Посвольский договор, который восстановил Рижское архиепископство как самостоятельное и крупнейшее духовное княжество Ливонии, входившее вместе с Орденом в Ливонскую конфедерацию.

Поводом для конфликта послужила неуплата “юрьевой дани” за 50 последних лет. Москва поднимала вопрос об уплате дани (по гривне с человека) еще в 1554 г., но тогда Ордену удалось получить отсрочку на три года. В феврале 1557 г. ливонских послов, явившихся с просьбой о сложении долга, царь к себе не допустил. А в апреле 1557 г. князю Шестунову было приказано строить город в устье реки Нарвы, ниже Ивангорода и “корабельное пристанище”.

“Того же года, июля, поставлен город от Немец усть-Наровы-реки... у моря для пристанища морского корабельного”¹¹, – говорится в Никоновской летописи. Впрочем, торговавшие с Россией западные купцы не смогли перенести свою торговлю в этот первый российский морской порт. Ливонская конфедерация и Ганзейский союз приняли решение не пропускать купцов в русское “корабельное пристанище”. В ответ русским купцам из Пскова и Новгорода запретили ездить в Ливонию, но ливонских гостей велено было в Россию пускать и чинить с ними торг “без зацепок”.

В ноябре 1557 г. бывший псковский царь Шиг-Алей с воеводами М.В. Глинским и Д.Р. Захарыным-Юрьевым повели 40-тысячное войско к ливонским рубежам. Опасность надвигавшейся войны заставила ливонские власти отправить в декабре 1557 г. в Москву свое посольство. Оно предложило за прошлые недоимки взять одновременно 45 тыс. ефимков (18 тыс. рублей по московскому счету¹²) и впредь брать с Ордена по 1 тыс. венгерских золотых в год. Однако денег у послов с собой не оказалось. Ливонские хроники утверждают, что послы понадеялись на обещанные кредиты московских купцов, торговавших с Ливонией, но царь запретил своим людям под страхом смертной казни давать послам в долг. В итоге в январе 1558 г. последовало вторжение русского войска в Ливонию.

Ее внутреннее положение не могло способствовать успеху в отражении этого нашествия. С 1435 по 1561 г. Ливонский орден входил в рыхлое политическое объединение – Ливонскую конфедерацию, к которой также относились епископства Рижское, Дерптское, Курляндское и Эзель-Викское. С XIII в. в делах Ливонии активное участие принимала папская курия, но с началом Реформации авторитет папы и католической церкви резко пошел на спад. Реформация не вызвала в Ливонии духовного и морального очищения. Немецкоязычной социальной элитой – бывшими братьями-рыцарями, светскими феодалами и городским патрициатом, происходившими не только из германских, но и из других западноевропейских, особенно скандинавских стран, – Реформация была воспринята всего лишь как возможность скинуть тяжелые служебные обязанности, налагаемые орденской формой государства.

Активный участник первого русского похода на Ливонию Андрей Курбский свидетельствует: “Земля была богатая, а жители в ней гордые: отступили они от веры христианской, от обычаев и дел добрых праотеческих, ринулись все на широкий и пространный путь, на пьянство, невоздержание, на долгое спанье, лень, на неправды и кровопролитие междоусобное”¹³. Мнение русского воеводы подтверждают ливонские хронисты. Они пишут, что разврат в их стране в то время дошел до такой степени, что его “не стыдились, но гордились им, правители подавали пример подчиненным”¹⁴. Униженное эстонское и латышское население демонстрировало полное равнодушие к судьбе Ливонского государства, а в первое время даже проявляло благожелательное отношение к русским. Однако действия русских служилых людей вкупе с татарскими отрядами, обычными для средневекового воинства, скоро разочаровали коренных обитателей Прибалтики. Главным методом ведения войны был не военный разгром противника, а опустошение его территории и грабеж мирных жителей для содержания

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ), т. 13, ч. I. СПб., 1904, с. 281–284.

¹² Много это или мало? На данную сумму можно было купить 18 тыс. рабочих лошадей либо выкупить из плена 18 знатных полонян, родовитых князей Рюриковичей или Гедиминовичей.

¹³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. III, т. 6, с. 487.

¹⁴ Там же.

армии. Уже в первый поход ливонская округа на 200 верст к западу от Пскова и Новгорода была полностью разорена.

С точки зрения военной, немецкая сторона сумела выставить лишь мелкие разрозненные отряды, которые были смяты мощным натиском русских. Магистру от царского воеводы Шиг-Алея и его помощников была отправлена грамота, содержащая требование присылать послов для переговоров. Магистр Вильгельм фон Фюрстенберг (ок. 1500 – 1568) согласился на переговоры, и русская сторона прекратила боевые действия. Через месяц московское войско возвращалось домой, везя огромную добычу.

ПЕРВЫЙ НАРВСКО-ДЕРПТСКИЙ ВАРИАНТ УСТРОЙСТВА ЛИВОНСКОЙ ТЕРРИТОРИИ В СОСТАВЕ РОССИИ

Первый проект устройства ливонской территории в составе России возник спонтанно, из обстоятельств взятия Нарвы. Несмотря на объявленное перемирие, начальник нарвского гарнизона продолжал обстрел соседней русской крепости Ивангород. Нарвские обыватели, с которыми вошли в контакт русские воеводы, отвечали им (насколько искренне, непонятно), что не могут унять “своего князьца” (фохта). В результате последовал обстрел Нарвы из Ивангорода, длившийся целую неделю. Черные люди в Нарве взбунтовались против фохта и его окружения – 30 орденских рыцарей и 150 светских дворян. Во главе с двумя ратманами – Иоакимом Крумаузенем и Арндтом фон Деденом, обладателями царских грамот на свободную торговлю в Московии, – они требовали перейти под власть Москвы. Фохт вынужден был допустить переговоры жителей Нарвы с русскими.

9 апреля 1558 г. депутация горожан заявила, что готова “перейти на государево имя”, а от магистра отказаться, и, оставив у московских воевод в заложниках двух “лучших людей”, неких Ивана Белого и Ашпириче¹⁵, нарвские переговорщики отправились в Москву. В беседе с главой Избранной рады Алексеем Адашевым они начали юлить, пытались пойти на попятную и не порывать с магистром, но Адашев в ответ продиктовал государеву волю: “Выдайте князьца, который у вас начальствует крепостью, а крепость сдайте нашим воеводам; тогда государь вас пожалует, из домов не разведет, старины вашей и торгу не порушит, а будут владеть и Вышгородом (кремлем), и Нарвою царские воеводы, как владели магистр и князец”¹⁶. Переговорщики принесли присягу царю. Узнав об этом, нарвские жители отказались отворять ворота воеводам из Ивангорода. Они заявили, что посылали в Москву переговорщиков для перемирия, а не для перехода в русское подданство.

Перемена настроения в Нарве объяснялась прибытием туда подкрепления от магистра, впрочем, не такого уж существенного, чтобы отразить новый русский напор. Вспыхнувший в Нарве 11 мая 1558 г. пожар¹⁷ облегчил русским прорыв. Несмотря на упорное сопротивление, нижний город был взят. Гарнизон заперся в верхней крепости – Вышгороде. После новых переговоров крепость с пушками была сдана. Русские воеводы согласились на выход из города его защитников во главе с “князьцом” и почти всех лучших горожан, но без имущества. Черные люди Нарвы присягнули “быть за московским царем вовеки”. Такой исход не совсем устраивал московское правительство. Нарва интересовала Москву не столько как военная крепость, у россиян здесь была своя, Ивангород, сколько как живой, процветающий торгово-ремесленный

¹⁵ Рюссов Б. Ливонская хроника. – Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края, т. II. Рига, 1879, с. 363–364.

¹⁶ Там же.

¹⁷ По сообщению Никоновской летописи (Никон. лет. VIII, 3073) пожар явился следствием Божьего гнева. Нарвский цирюльник Кордт Фолькен и его гости-рижане глумились над православной иконой и бросили ее в огонь, который, вылетев из открытого очага, взвился до потолка и поджег его, а сильный ветер раздул пламя по всей Нарве. – Там же, с. 364.

центр, способный вести через Балтику международную торговлю. Без немецкого городского патрициата это было затруднительно.

В итоге последующие действия Ивана IV и Избранной рады в отношении Нарвской области представляли собой смесь обычной для Московского вотчинного государства политики и уступок “немцам”, привыкшим жить в порядках совершенно иного социально-политического уклада. Начался процесс раздачи московским служилым людям земель с местными крестьянами в поместья. Из Новгорода в Нарву прибыли архимандрит и протопоп с приказом ставить православные церкви, очищать Нарву от “веры латинской и лютерской”. По сообщению авторов начала XVII в. – фактора английской Московской компании Горсея и офицера царской охраны, французского капитана Маржерета, часть окрестных нарвских дворян и купцов была насильно вывезена в Москву¹⁸. Оставшимся жителям Нарвы дали жалованную грамоту, гарантировавшую их имущество и сохранявшую различные торговые привилегии. В соответствии с этой грамотой среди пленников начали отыскивать выходцев из Нарвы, освобождать и возвращать обратно в родной город.

“Московская Нарва” бурно развивалась. Вскоре она стала главным посредником в транзитной морской русско-европейской торговле, чем серьезно подорвала экономическое могущество “шведского Ревеля”, выступавшего прежде в этой роли на Балтике.

В самом начале Ливонской войны русское правительство явно делало упор на частные договоры с жителями отдельных ливонских областей. С посольством же магистра в Москве разговаривали так, как прежде с завоеванными казанцами и астраханцами. Немцы привезли большой выкуп за недоимки и военные издержки – 60 тыс. талеров. От “юрьевой дани” за 1558 г. они просили освободить, поскольку, по их словам, дерптская область вконец разорена русским вторжением, а военной добычи москвитяне взяли во много раз больше причитавшейся дани. Никоновская летопись приводит ответ Москвы: “Если... хотят мира, то магистр, архиепископ рижский и епископ дерптский должны сделать то же, что сделали цари казанский, астраханский и Шиг-Алей: должны сами явиться перед государем с данью со всей земли Ливонской, ударить ему челом и впредь во всем исполнять его волю, а города завоеванные останутся за Москвой”¹⁹.

Это означало продолжение войны. У Фюрстенберга под рукой было всего 8 тыс. надежных наемников. Делом обороны городов пришлось заняться самим жителям и окрестному ливонскому дворянству. Между тем ливонская элита разделилась на несколько партий.

Одна из них в силу воспитания и убеждений полагала, что нужно бороться. Бургомистр Дерпта Тиле призывал сограждан пожертвовать все состояние на войну, встать всем, как один, на защиту своих обычаев и веры. Ему вторил епископ Дерпта – Герман Вейланд. Но большинство членов антирусской партии склонялось к мысли отдаться под защиту какой-нибудь европейской страны – Швеции, Дании или Польши – и с ее помощью воевать с Россией.

Другие дворяне и купцы, в основном протестанты, справедливо утверждали, что втягивание в войну новых зарубежных участников закончится полным опустошением и, скорее всего, разделом Ливонии. Они считали, что в наибольшем убытке в конце концов окажутся ливонцы и поэтому надо искать компромисс с русскими. Когда дело дошло до осады Дерпта, большинство дворян выехало из города в свои сельские имения спасать семьи и имущество. Ливонские пленники из прорусской партии с охотой переходили на московскую службу. Забегая вперед, скажем, что к концу 60-х – началу 70-х годов XVI в. из нескольких знатных ливонских дворян, бывших русских пленников – Иоганна Таубе, Элрета Крузе, Юргена Фаренсбаха и Вахтмейстеров – возникнет придворный кружок, который приобретет решающее влияние на царя Ивана Грозного, а следовательно, и на всю русскую политику в Прибалтике.

¹⁸ Зимин А.А. В канун грозных испытаний. М., 1986, с. 54, 65.

¹⁹ ПСРЛ, т. 13, с. 296–297.

Что касается магистра Ливонского государства Фюрстенберга, то он оставался противником подчинения Ливонии любому из иностранных государств. Боролся он и с попытками протестантов секуляризировать владения Рижского архиепископства. К 1559 г. его позицию разделяло явное меньшинство ливонцев.

В обстановке этих внутренних шатаний разворачивалось второе русское наступление в 1558 г. Большинство малых городов сдались без боя в надежде спастись от разграбления. Серьезное сопротивление оказал лишь Нейгауз, и то благодаря помощи Фюрстенберга, едва не попавшего там в плен. Коренное сельское население приводилось к присяге русскому царю без всяких затруднений.

Решающим событием второго русского похода стало падение Дерпта. Его защищали 2-тысячный гарнизон из нанятых в Германии ландскнехтов и оставшиеся жители. На запрос о помощи они получили от магистра ответ, в котором Фюрстенберг стыдил бежавших дворян, велел держаться, но помощи не гарантировал. Тем временем русские воеводы обещали милость. Горожан уже мало вдохновляли страстные речи бургомистра Тиле и епископа Вейланда, и, подумав четыре дня, они сами выработали условия сдачи города.

Дерптские условия ясно выражали те пожелания, на основе которых остзейские немцы готовы были “поддаться” России:

“1) Епископ получает для жительства своего монастырь Фалькенау в двух милях от Дерпта со всеми принадлежащими ему землями, людьми и пошлинами; под его ведомством остается латинское духовенство и церкви с их имуществом. 2) Дворяне, желающие остаться под властью государя, удерживают свои земли и людей, находятся под ведомством епископа и не могут быть выведены в Россию. 3) Граждане дерптские остаются при своей религии аугсбургского исповедания безо всяких перемен и не будут принуждаемы отступить от нее; церкви их со всеми принадлежностями остаются, как были, равно как и школы их. 4) Городовое управление остается по старине. 5) Браки с заморскими немцами дозволяются. 6) Все горожане и обитатели Дерпта при его сдаче могут выехать в течение 8 дней из города со всем своим имением, и чего не могут взять с собою, то могут оставить у своих приятелей или в своих домах и взять после при удобном случае. 7) Если потом они сами или дети их захотят опять переселиться в Дерпт и жить под властью государя, то могут это сделать. 8) Ратные люди могут выйти из города с имением и оружием. 9) Иностранные купцы, немецкие и русские, не могут торговать в Дерпте непосредственно друг с другом, а только с дерптскими горожанами. 10) Русские ратные люди не будут становиться в домах обывательских. 11) Государь не будет выводить горожан или обывателей из Дерпта в Россию или другие места. 12) Все преступления, даже против государя, судятся городским судом. 13) Право гражданства дается по старине городовым управлением; новый гражданин должен присягать государю и городовому управлению. 14) Городовое управление желает, чтоб на его судные приговоры могла быть апелляция к рижскому городовому управлению”²⁰.

Как видим, речь шла о сохранении западного христианства (католицизма и лютеранства), западных прав собственности, социальных привилегий немецкоязычного дворянства и городского патрициата, макдебургского самоуправления и суда, а также о даровании местным купцам привилегий московского протекционизма.

18 июля 1558 г. уполномоченные от епископа и духовенства, дворянства и городской общины явились к воеводе Петру Ивановичу Шуйскому. Для Москвы столкновение с такими требованиями, абсолютно противоречившими всему ее прежнему опыту расширения территории, было большим испытанием. Ответ же имел огромную важность, определяя не только возможный вектор развития Ливонии, но и московские общественно-политические перспективы.

Шуйский принял условия горожан, надеясь, что Избранная рада и царь Иван утвердят его решение. Пока дерптскую грамоту везли в Москву, Шуйский обеспечил

²⁰ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. III, т. 6, с. 489–490.

образцовое выполнение предварительных договоренностей. Немецкие источники, что особенно важно, свидетельствуют: епископ, наемники и те горожане, которые захотели покинуть Дерпт, свободно выехали из него под русской охраной. Оставшиеся жители не испытали никакого насилия, редкие его проявления со стороны завоевателей ими же и пресекались. Небольшие караулы из русских воинов ежедневно объезжали город, забирая пьяных дебоширов. Русские войска разместились в домах уехавших горожан. Эти дома, как и имущество епископа, были отписаны в русскую казну. По сообщению “Ливонской хроники” Бальтазара Рюссова, в тайнике одного из таких зданий, принадлежавшего ранее дворянину Фабиану Тизенгузену, был найден клад в 80 тыс. талеров, который тоже достался московиту²¹, т.е. царю Ивану Грозному.

“Никто не хотел расставаться с деньгами, – сетует Рюссов на дерптцев. – И хотя каждый хвастал, что лучше провоюет 100 талеров, чем один даст московиту в дань ради мира, однако когда пришла беда, то никто не захотел ничего дать ни для мира, ни для войны; а от этого они лишились не только своего города, земли и людей, но и всех своих сокровищ и благосостояния. И хотя многие из них замуровали или закопали в церквях под могильными плитами свои сокровища, однако ничего не помогло. Потому что русские в то время, а также и после обыскали все стены, все могилы и могильные памятники и забрали себе все запрятанные там сокровища”²².

Воевода-боярин Шуйский запретил местным жителям под страхом наказания продавать российскому воинству крепкие спиртные напитки. Одним словом, в Дерпте царил полный порядок. В благодарность магистрат и община прислали князю в подарок ящик вина, свежей рыбы, пива и зелени. А новый властитель города дал через несколько дней в замке роскошный пир магистрату, гильдии и всем почетным бюргерам. Кроме имущества епископа и домов выехавших жителей, которые были отписаны в русскую казну, москвитам достался дерптский арсенал в 552 орудия и большой запас пороха и свинца.

6 сентября 1558 г. из российской столицы поступила царская грамота. Часть дерптских предложений была принята, часть изменена и добавлены новые.

Изменения были следующими: 1) невозможность судебной апелляции к рижскому суду, апеллировать следовало к назначенному Москвой дерптскому воеводе или прямо к царю; 2) в городской суд вводился русский приказной человек (*drost*) для защиты интересов русских в городе; 3) прилагался подробный перечень ответственных преступников, в том числе сбежавших за море, перед Москвой и пострадавшей стороной, а также порядок изъятия и распределения их движимого и недвижимого имущества; 4) в случае войны или ее угрозы предполагалось ставить русских воинов на постой в дома черных людей.

Дополнения включали: 1) право дерптских жителей на беспошлинную торговлю в Нарве, Ивангороде, Пскове и Новгороде; при проезде в глубь России вплоть до Казани и Астрахани дерптцы платили те же пошлины, что и русские купцы; 2) жители Дерпта могли покупать дома и сады во всех русских областях и свободно жить там; равно как и русские подданные имели право свободно селиться в Дерпте и его области (напомним, что уже шел процесс раздачи имений московским подданным в оккупированных русскими районах); 3) Дерпт мог иметь свою монету и печать; на сторонах монеты должны были быть помещены московский и дерптский гербы, на печати – только московский двуглавый орел с Георгием Победоносцем на груди.

Этой грамотой, аналогичной Нарвской, и определялась жизнь в Дерпте вплоть до конца 1570-х годов. Правда, без выселений не обошлось. Большею частью дерптские переведенцы были из пленных. Среди них оказался и последний католический епископ Дерпта Герман, умерший в московском плену. Для улучшения торгового дела в Москву также переселили значительное число купцов. Перемещение населения было

²¹ Рюссов Б. Указ. соч., с. 367. Размер клада, очевидно, завышен, ибо на эту сумму можно было и Юрьеву дань заплатить, и нанять войска в Германии для войны с Россией.

²² Там же, с. 367–368.

практикой Московского государства. Например, весной 1569 г. царь свел в Москву 150 семей новгородцев и 500 семей псковитян²³. Кроме экономической подоплеки, переселения всегда преследовали политическую цель. Угроза переселения являлась действенным рычагом управления. Переведенцы, чужаки на новом месте, были крепко привязаны к власти, без которой они не могли бы занять свою общественную нишу. Как свидетельствует капитан Маржерет, перемещенные ливонцы верно служили царю. С его помощью они быстро освоились в отведенной им столичной Немецкой слободе и разбогатели. По отношению к русскому населению и другим служилым иностранцам они вели себя столь высокомерно, что заслужили ненависть и тех, и других²⁴.

Получив жалованную грамоту для Юрьева (Дерпта), Шуйский послал письмо в Кольвань (Ревель). В случае добровольной сдачи воевода обещал ревельцам еще большие привилегии. Ревель, как и Рига, был, бесспорно, самым населенным, богатым и укрепленным с военной точки зрения городом Ливонии. А еще это был прекрасный торговый порт. В начале Ливонской войны ни Нарва, ни Дерпт не могли соперничать с Ревелем и Ригой. Приморское положение гарантировало Ревелю и Риге возможность долго сопротивляться. Морем сюда прибывали наемники, снаряжение и припасы из Священной Римской империи и других стран Западной Европы. Не имея флота, Россия препятствовать этому не могла. Все попытки Ивана Грозного заключить военный союз с английской королевой Елизаветой диктовались надеждой задействовать в Ливонской войне английские корабли.

Получив грамоты Шуйского, ревельцы взвесили свои возможности и перспективы и решили, что им выгоднее ориентироваться на Запад. Такого же взгляда будут придерживаться в течение всей Ливонской войны и рижане.

Вряд ли это был правильный выбор. Ревель, к примеру, после перехода под крыло шведского короля утратил из-за жесткой торговой конкуренции с русской Нарвой (и никогда в будущем не смог вернуть) ту значимую роль в международной торговле, которую он играл прежде, будучи свободным городом, членом Ганзы.

Позиция Ревеля и Риги во многом определила конечное поражение России в Ливонии. Причина его состояла не в ошибке русской политики в Прибалтике в начальный период войны, а в социокультурном предпочтении жителей крупнейших ливонских городов. В итоге Ригу и Ревель Россия могла покорить только силой, которой, как показали следующие 25 лет войны, у нее не оказалось.

Однако на маленькие прибалтийские города предложения, отправленные Шуйским в Ревель, действовали, и к концу сентября 1558 г. власть Ивана IV признали уже 20 городов. Им были розданы грамоты, определявшие их автономный статус внутри России. Чтобы не “пустошить” округу русских ливонских городов, решено было отпустить российское воинство на зимовку домой. Под рукой у воевод, оставленных в московской Ливонии, осталось не более 2 тыс. человек, включая гарнизоны в городках и немногочисленных русских помещиков, успевших прибыть в свои новые имения.

Проанализировав первые действия Москвы в Ливонии, можно сделать определенные выводы. Прежде всего бросается в глаза попытка правительства Избранной рады отказаться на ливонской территории от выработанной ранее практики управления внутренними областями России. При овладении Нарвой и Дерптом в 1558 г. не было зафиксировано тех жестокостей, которые обычно позволяла себе российская сторона в бесконечных русско-литовских войнах конца XV–XVI в., таких как жесточайшие конфискационные и переселенческие меры, последовавшие вслед за взятием в 1563 г. “братского” Полоцка. И центральная власть, и русские воеводы в Ливонии демонстрировали готовность вырабатывать проекты компромиссного вхождения Ливонии в Московию. Служивший в опричнине немец Генрих Штаден подчеркивал фактор лич-

²³ *Зимин А.А.* Опричнина. М., 2001, с. 187.

²⁴ *Маржерет Ж.* Состояние Российской державы и великого княжества Московского. – Россия начала XVII века: воспоминания иностранцев. Смоленск, 1982, с. 23.

ного влияния русских наместников на ход дел в Ливонии. Скажем, о земском боярине Иване Петровиче Челяднине он пишет, что, “пока он был наместником в Дерпте, немцы не знали беды, чтобы, например, великий князь приказал перевести их из Нарвы, Феллина и Дерпта в Русскую землю”²⁵. Аналогично вел себя в роли наместника, по мнению Штадена, и Курбский.

Первый проект, назовем его условно нарвско-дерптским вариантом, предполагал сепаратное наделение городов и областей, признавших верховный суверенитет московского царя, отдельными царскими жалованными грамотами. Такая политика, разрушая государственное единство Ливонии, привязывала ее территории к Москве и укрепляла надежды ливонской элиты на сохранение царем заложенного еще в эпоху крестоносцев западноевропейского социокультурного уклада Ливонии.

Очевидно, что в 1558 г. центральная российская власть, раз она позволяла россиянам и ливонцам свободно перемещаться в пределах русско-ливонского пространства, ничуть не боялась проникновения носителей иного уклада в глубь России. Было бы ошибкой считать, что делалось это для европеизации внутреннего русского строя. Такая позиция проистекла из уверенности московского государства в неизбежности собственного могущества. Москва желала быстрее овладеть Ливонией, чтобы качать через нее с Запада нужные ей новшества. Москва была уверена, что уже в предыдущем опыте использования служилых греков, “немцев” и “фрязей” она отработала механизм, позволяющий устроить жизнь западных иностранцев во внутренних областях России так, чтобы русский мир существовал параллельно миру немецких слобод, без какого бы то ни было синтеза. Образ жизни немногочисленных русских в Прибалтике также, полагали, легко можно контролировать из русской столицы.

ВТОРОЙ ПРОЕКТ

Последующие вскоре события показали нежизнеспособность принятого решения. Магистр Фюрстенберг, отступив в 1558 г. в Вальку, передал полномочия ландмейстера Тевтонского ордена в Ливонии феллинскому командору Готгарду Кетлеру (1517–1587)²⁶. Его кандидатуру выдвинули ливонские дворяне. До мая 1559 г. он управлял Орденом как коадьютор (помощник епископа), а в мае, когда прежний магистр окончательно отказался от своих полномочий, Кетлер стал ландмейстером Ордена²⁷. Фюрстенберг был стар, а последние невзгоды подкосили его окончательно. Он укрылся в Феллине, где и угодил в русский плен в августе 1560 г.

Кетлер не особенно преуспел в сборе войска. К 8 тыс. воинов, имевшихся у Фюрстенберга, он добавил еще 2 тыс. Но и с этими силами он сумел нанести русским ощутимый контрудар. Отдельные малочисленные русские отряды при появлении рати Кетлера бежали. Сказалась и несостоятельность старинных русско-татарских приемов обороны перед новой военной тактикой западноевропейских наемников Кетлера. Магистр сумел взять город Ринген, хотя его русский гарнизон сражался отчаянно. Правда, Кетлер тоже потерял здесь пятую часть своих людей.

В будущем из этих и других своих поражений Москва сделает выводы. Если в начальный период Ливонской войны она использовала на западе дворянское ополчение и татарские отряды, а на востоке – кроме русских служилых людей, еще и служилых

---

²⁵ *Штаден Г.* Страна и правление московитов в описании Генриха Штадена. – Иностранцы о древней Москве. Москва XV–XVII вв. М., 1991, с. 69.

²⁶ Кетлер не был уроженцем Ливонии. Он происходил из знатной вестфальской семьи, получил хорошее образование. В 1537 г., двадцати лет от роду, он вступил в Тевтонский орден и прибыл в Ливонию. В 1550-х годах был динабургским, потом феллинским командором, в 1556 г. ездил ливонским послом к польскому королю, тогда же подружился с видным литовским магнатом Николаем Радзивиллом.

²⁷ *Рюссов Б.* Указ. соч., с. 379.

московских “немцев”, то с конца 1560-х до конца 1570-х в Ливонии будут использоваться западноевропейские наемники.

После взятия Рингена московский воевода в Дерпте, не надеясь на верность его жителей, заблаговременно вывел оттуда в Псков всех взрослых мужчин. Их семьи в качестве заложников остались в Дерпте, но им не чинили никаких обид. Русский летописец объяснял эту меру тайной перепиской некоторых дерптских немцев с Кетлером, где те призывали ландмейстера вернуть себе власть над их городом.

Идти к Дерпту Кетлер не решился, но его контратака привела к тому, что в январе 1559 г. в пределы Ливонии вступила огромная, по ливонским, явно завышенным сообщениям численностью до 130 тыс. человек²⁸, российская карательная рать. Наемники Кетлера потерпели сокрушительное поражение при Тирзене. Русские войска принялись опустошать ливонские пределы вплоть до Балтийского моря, не щадя, как отмечал русский летописец, “даже младенцев во чреве матерей”²⁹. Не надо думать, что подобная тактика была чужда западному воинству. Аналогичные методы процветали и в ходе первой Северной войны 1563–1570 гг. между Швецией и Данией, которая велась на их территории.

Ландмейстер отступил в Ригу и там начал поиски зарубежного союзника. Противник рижского архиепископа, Кетлер сначала снесся с герцогом Финляндии Юханом, вторым сыном шведского короля Густава I Вазы (1523–1560 гг.), чтобы просить у Юхана войско и 200 тыс. рейхсталеров под залог ряда ливонских земель. Юхан готов был выступить против России, но король Густав не позволил. Более того, узнав об уничтожении в шведских водах ревельскими кораблями лодок русских купцов, Густав приказал арестовать ревельских купцов, оказавшихся в Выборге, и послал сказать об этом в Москву. Король просил царя Ивана прекратить разорять Ливонию и приступить к переговорам, добавив, что это просьба Максимилиана II, в чьей империи значится и Ливонский орден.

Не получив поддержки от Швеции, ландмейстер, невзирая на вражду с рижским архиепископом, ставленником Польши, связался с главой польско-литовской унии Сигизмундом II Августом для обсуждения условий перехода ливонских территорий в подданство польского короля. Хотя Рига считала ландмейстера и архиепископа своими сеньорами, этой инициативы она не одобрила. Рига желала получить статус вольного города Священной Римской империи. (Польскому королю она присягнет только в 1581 г.) Тем временем жители Ревеля пытались вести переговоры о помощи против России с Данией, Польшей и Швецией. Датский король Христиан III решил просить русского царя лишь о перемирии.

В Москве демарши Густава I Вазы и Христиана III оценили как проявление слабости и решили, что удастся навязать Швеции и Дании выгодный для Москвы договор, который облегчит вхождение в Россию всей Ливонии. Это оказалось заблуждением. Интересы Дании и Швеции позволяли их монархам вести переговоры лишь о разделе Ливонии, а этого Москва не предполагала вплоть до начала 1580-х годов. Нерешительность датского и шведского королей в 1559 г. проистекала из их преклонного возраста, а также из постоянной вражды и военных столкновений на скандинавских территориях после выхода Швеции в 1523 г. из Кальмарской унии с Данией и Норвегией.

В какой-то степени Густав был носителем тех же суеверий и предрассудков относительно божественности власти монарха, что и Иван Грозный. Родоначальник династии Ваза, он не был потомственным монархом, и ему приходилось терпеть тот обидный факт, что Москва не допускала прямых контактов между ним и царем. Все переговоры “государя от Бога и сродника римского императора Августа” царя Ивана IV с Густовом Вазой, избранным королем из “мужичьего”, по мнению русского царя, рода, велись через новгородских наместников. Комплекс неполноценности

²⁸ Monumenta Livonia antiquae, Bd. I, S. 220.

²⁹ ПСРЛ, т. 4, с. 311.

унаследовал и преемник Густава, его старший сын Эрик XIV. Иван Грозный, словно ордынский хан, общался с этими королями путем унижительных дипломатических посланий – челобитий (в русских переводах шведский король “бил челом русскому царю”) или пожалований (царь “жаловал” шведского короля). Так, на послание Густава 1559 г. Иван IV позволил себе реагировать так: “Мы твою грамоту выслушали и твое исправление уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь; нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим”³⁰. Ставший королем Эрик вступил в Ливонскую войну, приняв 6 июня 1561 г. присягу ревельцев. Он гарантировал горожанам их вольности и торговые привилегии. Так Ревель оказался крупнейшим торговым городом Шведского королевства. Однако до 1568–1570 гг. Швеция не воевала против России.

Усиление шведских позиций в Ливонии явилось одной из причин нового всплеска датско-шведской вражды. В 1563 г. начнется первая Северная, или Скандинавская, семилетняя война. Чтобы противостоять Дании, Эрик XIV будет искать союза с Россией. Неудача этого дела наряду с психической болезнью короля приведет к дворцовому перевороту, и шведская корона окажется у Юхана, младшего сводного брата Эрика. Тон, неправильно выбранный московской дипломатией, так же как и абсурдные со всех точек зрения требования Ивана Грозного³¹, сделают Швецию врагом России, что ускорит ее поражение в Ливонской войне.

Однако вернемся в 1559 г. Обращение Кетлера к Сигизмунду II Августу имело развитие. Ландмейстер готов был передать ему всю Ливонию, оставляя за собой лишь герцогство Курляндское, которое тоже должно было считаться вассалом польской короны. Отказаться от “законного” приобретения Ливонии Сигизмунд II Август не мог. Длившаяся уже 100 лет конкуренция с Москвой за западнорусские и южнорусские земли, находившиеся с XIII–XIV вв. в составе Литвы и частично отобранные Москвой при деде и отце Ивана IV, только подталкивала польско-литовскую сторону к войне в Прибалтике. В 1561 г. принявший лютеранство Кетлер станет вассалом польской короны и герцогом Курляндии и Семигалии, что будет означать вступление польско-литовской унии в борьбу за Ливонию. Официальной датой ликвидации Ливонского ордена считается 5 марта 1562 г.

В преддверии всех этих событий, в 1558–1559 гг., родился “второй проект” соединения Москвы и Ливонии, причем предполагавший куда более обширный переворот во всей внешней, а по потенциальным возможностям и внутренней политике России. Это был последний проект, в разработке которого приняла участие Избранная рада, а непосредственные переговоры вел А.Ф. Адашев.

Иногда в Адашеве видят противника Ливонской войны. Это не совсем верно. Решение о нападении на Ливонию принималось Избранной радой в 1556–1558 гг., и Адашев, как ее глава, не мог его не одобрять. Более того, еще до превращения Кетлера в вассала польского короля Избранная рада, предполагая вероятность втягивания Сигизмунда II Августа в ливонскую эпопею, решила, что Ливония стоит православных “отчин” московского государя в Литве, и посчитала возможным допустить кардинальный пересмотр внешней политики России в отношении Литвы и Польши.

Польско-литовской стороне предложили “вечный мир” за отказ от претензий на Ливонию. В обмен Москва обещала навсегда отказаться от своих требований на западнорусские (белорусские) и южнорусские (украинские) территории. Она готова была создать с Польшей и Литвой прочный военно-политический союз против общих врагов – Турции и Крыма, к чему, кстати, давно призывали император Священной

³⁰ Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. 3, т. 6, с. 492.

³¹ К примеру, Иван Грозный требовал от Эрика XIV высылки в Россию Екатерины Ягеллонки, жены Юхана, находившегося тогда в заключении за мятеж против короля. В свое время Иван IV безуспешно сватался к Екатерине Ягеллонке, сестре польского короля Сигизмунда II Августа, но зачем она нужна была теперь женатому вторым браком царю, непонятно. Требования высылки в Москву Екатерины звучали и тогда, когда шведским королем стал сам Юхон.

Римской империи и папа римский. Последнее было немаловажно, особенно для Литвы: ее южные области, включая Подолию, были разорены набегом крымского хана в 1558 г.

Этот план имел сторонников в православной и протестантской русско-литовской знати. В частности, ему сочувствовал самый влиятельный литовский вельможа, виленский воевода князь Николай Радзивилл.

В ходе переговоров 1558–1559 гг. Алексей Адашев говорил королевскому послу Василию Тишкевичу: “Прежние дела должно все отложить и делать между государями доброе дело на избаву христианам; если же станем говорить по прежнему обычаю, станем просить у вас Кракова, Киева, Волынской земли, Подолии, Полоцка, Витебска и все города русские станем звать готовую вотчинную своего государя, а вы станете просить Смоленска, Северской страны, Новгорода Великого, то такими нелепыми речами дело сделается ли?”³². Предложение вечного мира Польше и Литве, предполагавшее согласие польско-литовского монарха на приобретение Россией Ливонии, показывает, насколько ценным уже в конце XVI в. был для правящих кругов России ливонский выход в Балтийское море.

Но в отличие от Литвы, где мнения о подобном союзе разделились, Польша боялась России больше, нежели Турции и Крыма. “Вечный мир” лишь ускорил бы превращение России, подкрепленной приморской Ливонией, в однозначного геополитического лидера Восточной Европы. Такая перспектива мало что давала полякам, а потому Тишкевич не согласился с предложениями Адашева, он готов был вести переговоры только о перемирии.

Новый посланец польско-литовского монарха, прибывший в Москву в январе 1560 г. Мартин Володков потребовал, чтобы царь отозвал свои войска из Ливонии, так как еще до начала войны она отдалась под покровительство Сигизмунда II Августа. В ответ Иван IV заявил, что польскому королю хорошо известно, что ливонская земля с времен Пруса и его потомка Рюрика является вотчиной русских государей, не принадлежит никакому другому государству, кроме Русского, которому и платила.

Крушение стратегического русско-литовского замирения и настроило Алексея Адашева на пессимистичное отношение к возможности победы в Ливонской войне. Но царь был не склонен из-за опасений уже порядком тяготившего его сановника останавливать борьбу за Ливонию, да еще в то время, когда все выглядело благополучно. Член Избранной рады, глава Посольского приказа И.М. Висковатый в 1559 г. тоже выступил приверженцем продолжения русской экспансии в Ливонию.

Расхождения между главой Избранной рады Алексеем Адашевым и Иваном IV по вопросу об определении главного направления внешней политики России привели к тому, что Адашев впал в немилость. В 1560 г. последовали опалы и ссылки. В 1561 г. погибли Федор и Данила Адашевы – отец и брат Алексея. В опричные 1565–1572 гг. казнили многих их сподвижников, включая “канцлера” Висковатого. Самому Алексею Федоровичу “повезло”: будучи сосланным в Ливонию, он умер раньше своих родных – в 1561 г. под арестом в дерптской тюрьме.

Падение Избранной рады и вступление в ливонский конфликт Польши и Литвы привели к ужесточению русского курса в Ливонии. Московский наместник в Ливонии боярин Челядинин, сторонник поиска компромисса с ливонцами, вскоре тоже пал жертвой опричного террора. Новый наместник, боярин Морозов, по версии Штадена, “оболгал лифляндцев перед великим князем так, что великий князь приказал вывести всех немцев с женами и детьми из Лифляндии: из Дерпта, Феллина и Нарвы – в свою землю, в четыре города: Кострому, Владимир, Углич и Кашин”³³. Конечно, выводили далеко не всех немцев, однако обычные для Москвы массовые переселения коснулись

³² Цит. по: *Соловьев С.М.* Указ. соч., кн. 3, т. 6, с. 500–501.

³³ Там же.

и Лифляндии. Кроме того, если верить Штадену, в Москву были вывезены несколько больших ливонских колоколов и изрядное число пушек. Колокола поместили на кремлевскую звонницу, а феллинский арсенал как трофей выставили в столице – “только напоказ”³⁴.

РОССИЯ И ЗАПАДНОРУССКОЕ НАСЕЛЕНИЕ В ХОДЕ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ

Еще более жесткие методы собирания разных территорий были продемонстрированы Иваном Грозным в начале 1560-х годов в отношении “своих”, т.е. православного населения западнорусских земель, когда московские войска начали вторжение в пределы великого княжества Литовского и Русского. В соответствии с отечественной традицией, православное население якобы повсеместно их приветствовало. Однако реальность была гораздо сложнее, о чем красноречиво свидетельствует оборона главного центра Литовской Руси – Полоцка. Когда к городу в 1563 г. подошли русские войска во главе с самим Иваном Грозным, город отверг предложение о сдаче. Началась его осада.

Пропольски настроенный автор, немецкий пастор Павел Одерборн так излагал полоцкую эпопею 1563 г.: “Побуждаемый выгодным местоположением [Полоцка], величием и богатством княжества... он [царь Иван IV]... отправился для захвата Полоцка и повел в поход... войско в 300 тысяч человек”³⁵. Эта цифра превышает реальные размеры русского воинства, как минимум, в три раза. По документам, у русских было 30 тыс. служилых людей. В большом полку – 2929 детей боярских, 1629 татар, 1295 казаков; в полку правой руки – 2027 сынов боярских, 966 татар и мордвы, 1009 казаков; в полку левой руки – 1900 детей боярских, 933 татарина, 605 казаков; в передовом полку – 1900 детей боярских, 940 татар, 1046 казаков; в сторожевом полку – 1855 детей боярских, 1111 татар, мордвы, мещерских бортников; в наряде – 1433 человека детей боярских, 1048 казаков, здесь же при пушках значительное число служилых немцев-артиллеристов. Русское войско также сопровождали многочисленная посоха, тянувшая обоз и пушки, и боевые холопы, выезжавшие в поле вместе со своими господами в соответствии с Уложением о службе 1556 г. В целом могло набраться до 100 тыс. человек³⁶. Полоцк “был хорошо снабжен метательными орудиями, – продолжает Одерборн, – имел оборонительные укрепления и... множество солдат. А после того как город был сильно обстрелян врагом, к орудиям встали даже женщины и старики, и горячее сражение продолжалось в течение многих дней... Случилось так, что военные силы полочан, которые сдерживали внезапное и стремительное нападение, к середине боя иссякли... Поэтому Васильевич в один миг овладел Полоцком, а польских солдат, оставив в живых, выгнал за его пределы, литовцев же и руссов, как пленных, послал в Москву, жидов, не желавших принимать христианское крещение в купели, он немедленно утопил в водах Двины”³⁷.

Конечно, пастор сгустил краски насчет единодушия в борьбе за город поляков, литовцев, белорусов и евреев. В Полоцке стоял гарнизон из 2 тыс. литвинов и 400 поляков под предводительством воеводы Станислава Довойны. Основная масса полочан и беженцев, прибывших со всей округи, были русинами (западнорусским населением). Город трижды вел переговоры: первый раз – в конце января 1563 г., когда получил предложение перейти в русское подданство “на тех условиях, на которых захотят сами полочане”³⁸; второй раз – 6–8 февраля 1563 г., затягивая время в надежде на подход войск Сигизмунда II Августа; третий раз – перед сдачей города, с 9 по 11 февраля.

³⁴ Там же, с. 71.

³⁵ Документ с комментарием. Тиран и заступник. Два взгляда иностранцев на Россию 1585 г. Павел Одерборн об Иване Грозном (далее – Павел Одерборн об Иване Грозном.). Перевод К.А. Морозовой. – Родина, 2004, № 12, с. 17–18.

³⁶ Там же. См. также: *Филошкин А.* Жалобный плач города Полоцка. – Родина, 2007, № 6.

³⁷ Павел Одерборн об Иване Грозном, с. 17–18.

³⁸ *Филошкин А.* Указ. соч., с. 109.

Между вторыми и третьими переговорами шел двухдневный непрерывный ожесточенный бой. К вечеру 8 февраля русские осадные пушки и мортиры проломили внешние укрепления города во многих местах. Тяжелые ядра уничтожали дома целиком. Очевидцы писали, что московский наряд производил такой шум, что, “казалось, небо и вся земля обрушились” на Полоцк³⁹. Начался пожар, в котором сгорело 3 тыс. дворов. Русские войска вошли и взяли внешний город. Им сдались от 11 до 24 тыс. полочан и беженцев, но несколько тысяч русинов и польско-литовский гарнизон заперлись во внутреннем замке, куда прорваться с ходу детям боярским во главе с воеводами Д.Ф. Овчиной и Д.И. Хворостининым не удалось. Тогда снова заговорила тяжелая артиллерия, обслуживаемая московскими служилыми “немцами”⁴⁰. В ходе обстрела 9–11 февраля она сумела взломать 40 из 204 его “городен” (укрепленных участков замковой стены). Утром 15 февраля к московскому войску вышли “3907 мужского полу, а женок и девок – 7253”⁴¹, т.е. всего 11 160 человек.

Последующие действия Ивана Грозного в Белоруссии только подтвердили те сомнения, которые заставили полочан сопротивляться. Иван IV “чрезвычайно обогатился городской добычей”, она “оказалась гораздо богаче, чем он представлял”⁴². Из части золота, захваченного в Полоцке, в Москве был отлит большой Полоцкий ковш, который показывали иностранным дипломатам вместе с другими неисчислимыми богатствами царской сокровищницы⁴³.

Одерборн был прав, когда писал, что поляков Иван IV “оставил в живых”, но следующее слово “выгнал” не совсем уместно. Русский царь отпустил стойкий польский гарнизон с честью. Поляки ушли с развернутыми знаменами, с оружием в руках, а их ротмистры получили в подарок соболиные шубы, расшитые драгоценными тканями. Не обошлось, правда, без эксцессов: татарский отряд вырезал католических монахов-бернардинцев, а по царскому приказу расправились с евреями. Впрочем, итальянский купец Джованни Тедальди, много лет проживший в России, в 1582 г. отмечал, что распространенные в Европе представления о жестокой расправе над католическими монахами и евреями, получившие хождение благодаря памфлету Александра Гваньини, сильно преувеличены.

Сопротивление Полоцка навело русского царя на мысль, что надежней будет заменить в здешних краях “белорусцев” выходцами из России. Поэтому, сделав небольшую паузу после взятия Полоцка, Москва начала перемещать православных христиан с семьями в Россию, а их дома и земли отдавать переведенцам из московских владений. По подсчетам современных белорусских исследователей, из Полоцка и его округи, как некогда из Новгорода, Пскова, Рязани, Твери и других уделов, было выведено в глубь России до 50 тыс. человек, в основном “лучших людей” – горожан, купцов и дворян⁴⁴. По Европе ходила брошюра со стихами “Жалобный плач города Полоцка”⁴⁵. В городе встал русско-татарский гарнизон под командой московских бояр – воевод И.П. Шуйского, П.С. и В.С. Серебряных.

Социально-экономические особенности края постепенно нивелировались, более развитое, по сравнению с Россией, хозяйство рушилось. Зато Полоцк превратился в

³⁹ Там же, с. 110.

⁴⁰ *Хорошкевич А.Л.* Россия в системе международных отношений середины XVI века. М., 2003, с. 330.

⁴¹ Там же.

⁴² Павел Одерборн об Иване Грозном, с. 18.

⁴³ Предполагается, что в 1709 г. этот ковш во время пребывания Петра I в Дрездене был подарен царем своему союзнику, саксонскому курфюрсту и польскому королю Августу II Сильному. Полоцкий ковш и ныне хранится в Дрездене. – *Богатырев С.* Лестница в небеса. Символика власти Ивана Грозного. – *Родина*, 2004, № 12, с. 11; *Gift to the Tsars, 1500–1700: Treasures of the Kremlin.* New York, 2001, p. 88–89.

⁴⁴ *Богатырев С.* Указ. соч., с. 11.

⁴⁵ Анализ ее содержания см. *Сагановіч Г.* Жаласны плач горада Полацка. – *Беларускі гістарычны агляд*, 2001, т. 8, сшытак 1–2 (14–15).

исключительный по своей военно-стратегической роли российский форпост на западной границе.

Через 16 лет первому выборному королю Речи Посполитой Стефану Баторию пришлось штурмовать “русский Полоцк” 19 дней – с 11 по 30 августа 1579 г. Капитулировал Полоцк лишь 1 сентября 1579 г. по решению большей части “ратных людей” с условием, что те, кто захочет уйти в Россию, будут отпущены, а желающие поступить на королевскую службу будут туда приняты. Часть русских защитников Полоцка, вдохновляемая епископом Киприаном, пыталась взорвать пороховой склад, но, потерпев неудачу, заперлась в соборе Св. Софии, откуда их вытащили силой.

За 16 с лишним лет московского владычества Полоцк обеднел людьми и материальными ресурсами. Стефану Баторию удалось лишь 6 тыс. ратников и горожан (против более 30 тыс. сдавшихся русским в 1563 г.). Наемники – немцы, венгры и французы, составлявшие костяк армии Батория, были разочарованы. По словам современника событий – польского дипломата и историка немецкого происхождения, секретаря Ст. Батория и Сигизмунда III Р. Гейденштейна, “молва о древних богатствах знаменитого города и особенно находящейся в нем церкви Святой Софии, о серебряных статуях, о богатейших дарах древних русских князей, которые, как говорили, находились там, возбудила в солдатах надежду на огромную добычу; воспламененные ею, они переносили весьма равнодушно все невзгоды, лишь бы овладеть крепостью”⁴⁶. Однако ничего ценного в городе наемники не нашли. Между венграми и поляками начались массовые драки за остатки добычи. Чтобы навести порядок, Стефану Баторию пришлось оплатить ратные труды своих солдат из собственных средств.

ЛИВОНСКИЙ АСПЕКТ В ВЫБОРЕ ИВАНОМ ГРОЗНЫМ ПРИОРИТЕТОВ И ФОРМ СВОЕЙ ПОЛИТИКИ

Но все это случится позже, а в начале 1560-х годов “Жалобный плач города Полоцка” пугал жителей Ливонии и укреплял в Западной Европе образ России как страны нецивилизованной и варварской. Это беспокоило Москву. Чтобы удержать Прибалтику, московская дипломатия решила вернуться к более гибкой политике. С оставшимися у руля руководителями страной членами Избранной рады, а позже – с опричным окружением, куда входили и пленные ливонцы, Иван Грозный начал разрабатывать еще один план, касавшийся судьбы Ливонии. Он предполагал воссоздание ливонского государственного единства через учреждение под покровительством России буферного Ливонского герцогства или королевства. Первоначально главой его намечали бывшего магистра Ордена, плененного Фюрстенберга. Однако ввиду отказа Фюрстенберга от роли московского вассала, как сообщают ливонские источники, или же вследствие неожиданной кончины Фюрстенберга, якобы согласившегося на российский протекторат над Ливонией и уже выехавшего к границе, как свидетельствуют польские источники, данный план пришлось изменить.

Начались поиски нового кандидата на ливонский престол. Второй легитимный глава гнущего Ливонского государства, Кетлер, сразу же отклонил российское предложение. К концу 1560-х годов всплыла кандидатура принца Магнуса, представителя династии Ольденбургов. Магнус был младшим сыном датского короля Христиана III и номинальным правителем острова Эзель. Вместе со старшим братом, датским королем Фредериком II Магнус с начала Ливонской войны грезил о распространении датского влияния на всю Эстляндию.

Однако проект Ливонского королевства Магнуса выходит за хронологические рамки данной статьи. Мы упомянули о нем лишь для того, чтобы показать, что в отличие от Белоруссии в Ливонии Иван Грозный и при правительстве Избранной рады, и в ходе опричнины готов был вести разговор о компромиссе с местным обществом. Даже если это не являлось стратегической установкой царя, а было всего лишь временной

⁴⁶ Цит. по: *Филлюшкин А.* Указ. соч., с. 112.

дипломатической уловкой для поглощения Ливонии, можно констатировать большое внимание российского государства к устоям западноевропейского мира, желание частично заимствовать из Европы элементы социально-политического устройства.

Стоит отметить также, что упорная борьба за Ливонию внутри самой России породила парадоксальную смесь политики крайнего деспотизма и подражания (порой карикатурного) историческому опыту Запада.

Известные отечественные историки Р.Ю. Виппер и А.Л. Хорошкевич связывали причины установления опричнины с решимостью царя изыскивать в уставшей от войн стране все новые и новые ресурсы для затянувшейся войны за “ливонское окно в Европу”. При этом государственный террор как один из основных методов управления обществом в годы опричнины сопровождался самым свободным за XV–XVII вв. въездом в Россию выходцев из Западной Европы, желавших поступить на русскую службу, а также наличием в ближайшем окружении царя любимцев из иностранцев.

Литератор и историк В. Шаров в самой опричнине увидел извращенное подражание ливонскому опыту – опыту крестовых походов и создания военно-монашеских орденов. Признание православной церковью, в том числе и русской, католицизма “еретической верой” вовсе не исключало интереса к ее деяниям. “Военно-монашеские ордена должны были показаться Грозному идеальным решением всех стоящих перед ним проблем, идеальным способом организации военного сословия России – новой Святой земли. Воинство, в свое время созданное исключительно для защиты и распространения истинной веры, было именно тем, в чем нуждалась Россия. Записки иностранцев, описывающие жизнь в Александровской слободе – столице опричнины, а также те права и привилегии, с одной стороны, а с другой – ограничения, которые налагались на опричников, рисуют картину, весьма схожую с бытом военно-монашеских орденов, естественно, с теми поправками, которые были детерминированы специфическими для России особенностями”⁴⁷, – пишет исследователь.

В данном вопросе мы полностью согласны с мнением В. Шарова, хотя в историографии проводились также параллели между корпусом опричников и османскими янычарами.

Окончание следует

---

⁴⁷ Шаров В. Испытание революцией (русская верховная власть). М., 2009, с. 197.